

Научная статья
УДК 141
DOI: 10.18101/1994-0866-2023-2-32-39

ПРОБЛЕМА НАЧАЛА ИЛИ ПРЕДЕЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ СОЗНАНИЯ КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

© **Бурик Марина Леонидовна**

кандидат философских наук,
главный редактор научно-теоретического портала Spinoza.link
Россия, 27006, г. Москва, ул. Каретный Ряд, 5/10, стр. 2
etel17etel@gmail.com

Аннотация. Для решения практической проблемы становления исторической субъектности вопрос начала или предельной единицы человеческого сознания крайне важен. Определяя предельную минимальную единицу сознания, мы должны выделить то качество (в гегелевском понимании категории качества), которое характерно для самого простейшего феномена специфически-человеческого сознания. Это и будет искомая нами предельная или минимальная единица сознания. Правильное определение такой исходной точки становления сознания субъекта исторического действия предполагает опору на всю предшествующую философскую культуру. Интерес представляет вся история понимания человеческого сознания в целом и концепции английского и французского эмпиризма в частности. На уровне принципа в этих концепциях не только полагается сенсуалистический подход к индивидуальному сознанию и к познанию как таковому, но и развивается до возможного предела. В статье показано, как в философии новоевропейского эмпиризма решали этот вопрос.

Ключевые слова: эмпиризм, сенсуализм, ощущение, единица сознания, деятельность, философия Нового времени, начало сознания, Джон Локк, Томас Гоббс, Дени Дидро, Поль Анри Гольбах.

Для цитирования

Бурик М. Л. Проблема начала или предельной единицы сознания как основа становления субъекта исторического действия // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. Вып. 2. С. 32–39.

Для решения практической проблемы становления субъекта исторического действия вопрос предельной минимальной единицы человеческого сознания приобретает крайне важное значение. Именно такая единица является отправной точкой развития индивидуального сознания до уровня исторической субъектности. Она должна заключать в себе все особенности человеческого сознания и не распадаться далее на элементы, которые к нему уже не относятся. Она, следовательно, находится на границе идеального [11] вообще, характерного только для человека.

В книге «Мышление и речь» Л. С. Выготский, выделяя единицу речевого мышления, писал, что разлагать речевое мышление на речь и мышление недопустимо. Делать так это все равно что при исследовании свойств воды разлагать ее на кислород и водород. Но ни кислород, ни водород, взятые в отдельности, свойствами воды не обладают. Поэтому единица исследования воды — это молекула. Опираясь на эти соображения, Выготский выделяет слово как единицу речевого

мышления: «Само слово представляет собой живое единство звука и значения и содержит в себе, как живая клеточка, в самом простом виде все основные свойства, присущие речевому мышлению в целом» [6, с. 8]. Здесь основатель культурно-исторической школы в психологии применительно к своему предмету обращает внимание на то, что в диалектической логике фиксируется категорией качества. Определяя предельную минимальную единицу сознания, мы опираемся на тот же логический категориальный аппарат. Соответственно мы должны выделить то качество (в гегелевском понимании категории качества), которое определяет самый простейший феномен специфически-человеческого сознания. Этот феномен несет в себе всю специфику человеческого сознания вообще. Это и будет искомая нами предельная или минимальная единица. От нее, по необходимым ключевым ступеням нужно будет выстраивать «путь» выработки целостного сознания субъекта исторического действия. Так возможна инструментализация теории познания в общественном производстве — в производстве исторической субъектности как достояния масс.

Очень важно правильно определить отправную точку такого движения. Это предполагает опору на всю предшествующую культуру. В этом смысле интерес представляет вся история понимания начала или предельной единицы человеческого сознания вообще и концепции английского и французского сенсуализма в частности. На уровне принципа в этих концепциях не только полагается сенсуалистический подход к индивидуальному сознанию и к познанию вообще, но и развивается до возможного предела. Мы не находим ничего принципиально нового у представителей эмпиризма (позитивизм, неопозитивизм, аналитическая философия и т. д.) ни в XX, ни в XXI в., не считая критики «справа», то есть с точки зрения субъективного идеализма в духе Беркли.

Принцип эмпиризма в рамках идеалистического монизма был снят еще в немецкой классической философии, в частности в «Феноменологии духа» Гегеля, опираясь на которую развивался современный практический материализм. Но в соответствии с современным состоянием способа производства [12], эмпиризм постоянно воспроизводится в философской мысли. Тем ценнее обратиться к его классическим образцам, на которых хорошо видны все возможности и имманентные границы эмпиризма в подходе к человеку и к предельной единице человеческого сознания.

В классических концепциях эмпиризма «душа» человека от рождения чистая доска, на которой ощущения «рисуют» все наши идеи. Взаимодействие тела с внешним миром делает человека таким, какой он есть. Согласно учению Локка о первичных и вторичных качествах тело индивида не только ощущает внешний мир, а и своей организацией определяет эти ощущения. Вторичные качества объектов природы являются ощущениями того, что Локк определял как зависящее от субъективного восприятия (к вторичным было отнесено все, что нельзя понять с помощью механики). Отсюда понятия, образующиеся на базе ощущений вторичных качеств, хотя и имеют под собой объективную основу, однако не определяются в полной мере ею. Учение о первичных и вторичных качествах может вести к субъективному идеализму Дж. Беркли [1], если формула «организация человеческого тела определяет вторичные качества» превращается в форму «человек определяет вторичные качества». Далее для Беркли не наши ощущения

зависят от внешнего мира, а наоборот, вещи и их существование заключаются только в том, что они нами воспринимаются. И нет никаких оснований считать, что мы имеем дело с чем-то, что находится за пределами ощущений, а не исключительно с самими ощущениями. Но для самого Локка такие рассуждения не свойственны. Он только подчеркивал момент субъективности в отношении индивида к внешнему миру.

Тело человека по Локку в определенной мере зависит от опыта, а не только от изначального природного строения. В произведении «Мысли о воспитании» [2] Локк обратил внимание читателей на то, что человек способен приспосабливаться и привыкать к различным условиям жизни. Следовательно, эти условия формируют тело с его способностью ощущать. Тем не менее *отправной точкой сознания в этой концепции является ощущение, понимаемое как чисто природный процесс, а все идеи так или иначе для сенсуалистов базируются на ощущениях.*

Схожее понимание было и у древнегреческих атомистов. В теории Демокрита [3] наше сознание определяет взаимодействие телесной (состоящих из особого рода атомов) души с внешним миром через ощущения. Сама же душа для атомистов существует от природы (состоит из особого вида наиболее подвижных атомов). При этом одних только ощущений недостаточно для познания. Чтобы познать истину, нужна специальная работа ума. Но это уже другая тема.

Для Томаса Гоббса, другого важнейшего представителя английского эмпиризма, ощущения тоже — источник всех мыслей: «Начало всех призраков есть то, что мы называем *ощущением* (sense) (ибо нет ни одного понятия в человеческом уме (mind), которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения). Все остальное есть производное от него» [4, с. 39]. Те или иные ощущения вызывают все стремления и желания: «И так как строение человеческого тела находится в непрерывном изменении, то невозможно, чтобы одни и те же вещи всегда вызывали одни и те же желания и отвращения, еще меньше возможно, чтобы все люди испытывали одинаковое желание по отношению хотя бы к одному одинаковому объекту» [4, с. 39]. Итак, тело отдельного индивида с его ощущениями для Гоббса определяет его стремления и желания, а человек постоянно стремится к удовольствиям.

Но ощущать способны и животные. Это было очевидно и для греков, и для английских эмпириков. Так чем же в таком случае человек отличается от животного? К примеру, для Аристотеля человек от животного отличался наличием от природы «разумной части души», способной к познанию и нравственному выбору (душа, как мы помним из трактата «О душе» [5], это энтелехия тела). Согласно Гоббсу человек от других живых существ отличается не благоразумием, а наличием языка. Человек понимает мысли, вложенные в слова, а не только волю, как послушная собака: «Насколько я могу вспомнить, нет другой способности (act) ума, вложенной природой в человека таким образом, чтобы для ее применения требовалось лишь одно, а именно родиться человеком и жить, пользуясь своими пятью чувствами. Те другие способности, о которых я буду говорить позднее и которые кажутся присущими лишь человеку, приобретены и умножены изучением и трудолюбием, а у большинства ученых людей — просвещением и дисциплиной, и все они возникли благодаря изобретению слов и речи, ибо человеческий ум не имеет никакого другого движения, кроме ощущения мыслей и

связи мыслей, но при помощи речи и метода эти способности могут быть развиты до такой степени, что человек делается отличным от всех других живых существ» [4, с. 21].

Таким образом, с точки зрения Гоббса, *границу между человеком и животным нужно проводить по наличию осмысленной речи*: возможности воспринимать смысл, а также называть, формулировать в языке свои ощущения, желания, стремления. «Когда человек, слыша какую-нибудь речь, имеет те мысли, для обозначения которых слова речи и их связь предназначены и установлены, тогда мы говорим, что человек данную речь понимает, ибо *понимание* есть не что иное, как представление, вызванное речью. Вот почему если речь специфически свойственна человеку (что, как известно, есть на самом деле), то и понимание также специфически свойственно ему» [4, с. 29]. Позже в материалистической психологии Выготского это специфически-человеческое свойство было названо «речевым мышлением» [6], в отличие от неречевого мышления и речевой деятельности, которая не является мыслительной и которую соответственно можно передать машинам, добавим мы. Вопрос о мышлении и речи чрезвычайно важен для понимания поднятых проблем.

Совместная материальная деятельность людей созерцательным материализмом Гоббса еще не рассматривается как деятельность, производящая все понятия и чувства, если только она не понимается как процесс восприятия индивидом внешней среды. Но само инструментальное отношение к слову несет на себе следы достигнутого уровня развития материального способа производства и обусловленного им общего отношения просветителей к природе как к мастерской для человека. Слово — это инструмент развития способности, заложенной природой в ощущающее, воспринимающее тело человека, обладающее изначально «чистой», но способной запоминать и приобретать опыт душой. Оно служит человеку в процессе мышления, так как, например, лопата служит ему при выкапывании ям. То же мы видим касательно философии: «Философия, как мне кажется, играет ныне среди людей ту же роль, какую, согласно преданию, в седой древности играли хлебные злаки и вино в мире вещей. Дело в том, что в незапамятные времена виноградные лозы и хлебные колосья лишь кое-где попадались на полях, посевов же и посадок не было. Поэтому люди питались тогда желудями, и всякий, кто осмеливался попробовать незнакомые или сомнительные ягоды, рисковал заболеть. Подобным же образом и философия, т. е. естественный разум, врождена каждому человеку, ибо каждый в известной мере рассуждает о каких-нибудь вещах. Однако там, где требуется длинная цепь доводов, большинство людей сбивается с пути и уклоняется в сторону, так как им не хватает правильного метода, что можно сравнить с отсутствием сознательных посевов» [7, с. 73]. Философия как «правильный метод», точно также как организация посевов, является для Гоббса освоением природы в интересах человека.

Французский просветитель Дени Дидро в «Письме о слепых предназначенном зрячим» [8] поставил вопрос об индивидуальном сознании человека несколько по-иному, выходя за рамки классического сенсуализма: *каким именно образом не только строение тела человеческого существа, но и способ его производительной деятельности в предметном мире определяет его сознание?* Само сознание здесь понимается самым широким образом — как целостность пси-

хики человека, в которую входят не только идеи, но и чувства. Многие философы эпохи Просвещения, в том числе упомянутые выше, считали чувства (не путать с ощущениями) модусом мышления. На примере слепого из Пюизо и слепого математика Саундерсона Дидро показывал, что человек создает сам себя. Он результат своей *собственной* деятельности. Эта деятельность не просто деятельность сознания, которая выражается во «внешних поступках», как, например, у Лейбница, а наоборот, это деятельность с предметами материального мира. Специально Дидро эту деятельность не изучал. Он только сделал некоторые замечания на этот счет. Тем не менее это, можно сказать, единственный случай в истории материализма до Маркса, когда мыслитель рассматривает человека как создателя собственной души, когда человек понимается как существо, создающее себя непосредственно в процессе производства вещей для себя или для другого человека. Правда, под человеком тут везде понимается исключительно человеческий индивид, а под деятельностью индивидуальная деятельность.

О практике, как она была понята позднее, здесь пока речь еще не идет, а только об индивидуальном опыте, как и у других представителей новоевропейского эмпиризма: «Таким образом, надо признать, что мы замечаем в предметах бесконечное множество вещей, которые не видит в них ни ребенок, ни слепорожденный, хотя они также отображаются в глубине их глаз; что недостаточно, чтобы предметы поражали нас — необходимо еще, чтобы впечатления от них были объектом нашего внимания; что, следовательно, ничего не видишь, когда впервые пользуешься своими глазами; что в первые моменты зрение дает только множество смутных ощущений, которые проясняются лишь с течением времени благодаря *привычке размышлять над тем, что происходит в нас; что только опыт научает нас сравнивать ощущения с тем, что их вызывает (курсив наш. — М. Б.);* что поскольку ощущения не имеют ничего существенно сходного с предметами, то лишь опыт может научить нас аналогиям, которые, очевидно, носят чисто условный характер» [8, с. 317].

В понятие опыта вкладывается несколько иной смысл, чем тот, который в него вкладывали английские сенсуалисты. Дидро, как и они, настаивал на том, что мир дан нам в ощущениях, но возможность соотносить ощущения и вещи, которые их вызывают, уже результат деятельности ощущающего. Выделить начало опыта в данном случае получается через «*внимание, направленное на ощущение*» и «*привычку размышлять*» над ними. Логично было бы спросить, а откуда берется сама эта «привычка размышлять». Очевидно, если последовательно проводить такого рода материализм, этой привычке самой неоткуда взяться, кроме как из опыта. Но из опыта Дидро ее не выводит, наоборот, размышление «связывает» ощущения как единицы опыта с тем, что их вызывает. Тем не менее *здесь уже не само ощущение, а «размышление» то есть некоторая работа с ним, проделанная человеком, формирует картину мира и собственно «душу».*

Не для всех сенсуалистов проблема начала или предельно простой единицы сознания вообще существовала. Это не следует оставлять без внимания, так как это одна из существенных черт материализма, не понимающего вообще природы идеального, так называемого физиологического материализма. Его представители встречаются и в наше время и даже выступают от имени философии практики. У Поля Анри Гольбаха это игнорирование или отказ от решения проблемы в об-

ласти философии, а не физиологии, сформулировано так: «Человек есть чисто физическое существо; духовный человек — это то же самое физическое существо, только рассматриваемое под известным углом зрения, то есть по отношению к некоторым способам действий, обусловленным особенностями его организации. Но разве эта организация не есть дело рук природы? Разве доступные ей движения или способы действий не являются физическими? Видимые действия человека, равно как и совершающиеся внутри его невидимые движения, порожденные его волей или мыслью, являются естественным результатом, неизбежным следствием его собственного устройства и получаемых им от окружающих существ импульсов» [9]. Для материализма такого рода и начало, и конец всего человеческого в человеке кроются в строении его организма, а проблема начала или элементарной единицы «души» объявляется несуществующей, надуманной проблемой, которая имеет какой-то смысл только как проблема физиологии высшей нервной деятельности.

Итак, мы видели как в сенсуалистических концепциях опыт формирует все наши понятия, а минимальной единицей опыта является ощущение. Критикуя такой сенсуализм, Готфрид Вильгельм Лейбниц постоянно подчеркивал деятельное значение человеческой души [10].

«Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой.» — писал в свое время Карл Маркс [11]. Понимание деятельности оказывается краеугольным камнем, той осью, вокруг которой вертится философия в попытке найти начало и понять логику движения как общественного, так и индивидуального сознания человека. Во всех исторических коллизиях постановки и решения этого вопроса мы видим борьбу двух подходов к человеку: идеи человека деятельного и идеи человека воспринимающего.

Вопрос о начале или предельной единице человеческого сознания уже в рамках сенсуалистических подходов эпохи Просвещения упирается в проблему человеческой деятельности, связывающей и определяющей чувственный опыт. С этих позиций его и критиковали представители рационалистического «лагеря» философии Просвещения, а также представители классической немецкой философии.

Литература

1. Беркли Д. Трактат о принципах человеческого знания и другие сочинения // Сочинения. Москва: Наука, 1978. С. 152–247. Текст: непосредственный.
2. Локк Д. Мысли о воспитании / перевод с английского и латинского Ю. М. Давидсона, Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова, Н. А. Федорова и др. // Сочинения: в 3 томах. Москва: Мысль, 1988. Т. 3. С. 407–614. Текст: непосредственный.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии: перевод с немецкого. Кн. 1. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 350 с. Текст: непосредственный.

4. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: в 2 томах. Москва: Мысль, 1991. Т. 2. 732 с. Текст: непосредственный.
5. Аристотель. О душе / перевод П. С. Попова; исправления и дополнения М. И. Иткина; примечания А. В. Сагадеева: сочинения в 4 томах. Москва: Мысль, 1976. Т. 1. С. 371–448. Текст: непосредственный.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь / под редакцией В. Колбановского. Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 326 с. Текст: непосредственный.
7. Гоббс Т. Основы философии. 1655. Часть 1. О теле // Сочинения: в 2 томах. Москва: Мысль, 1989. Т. 1. С. 66–218. Текст: непосредственный.
8. Дидро Д. Письмо о слепых, предназначенное зрячим // составление, редакция, вступительная статья и примечания В. Н. Кузнецова; перевод с французского П. С. Попова, И. Б. Румера, В. К. Серезникова и др. // Сочинения: в 2 томах. Москва: Мысль, 1986. Т. 1. С. 275–322. Текст: непосредственный.
9. Гольбах П. А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовно-го // перевод П. С. Юшкевича, Т. С. Батищевой, В. О. Полонского // Избранные произведения: в 2 томах. Москва, 1963. Т. 1. 715 с. Текст: непосредственный.
10. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / редактор и составитель В. В. Соколов; перевод с латинского и немецкого Я. М. Боровского и др.: сочинения: в 4 томах. Москва: Мысль, 1983. Т. 2. 686 с. Текст: непосредственный.
11. Ильенков Э. В. Идеальное и реальность / составитель Е. Иллеш. Москва: Канон+Реабилитация, 2018. 528 с. Текст: непосредственный.
12. Лукач Г. Овеществление и сознание пролетариата // История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. URL: https://www.marxists.org/russkij/lukacs/1923/history_class/06.htm (дата обращения: 30.03.2023). Текст: электронный.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 26.04.2023.

THE PROBLEM OF ELEMENTARY OR THE ULTIMATE UNIT OF CONSCIOUSNESS AS A BASIS FOR FORMATION OF HISTORICAL ACTION

Marina L. Burik

Cand. Sci. (Philos.),

Editor-in-Chief of Spinoza.link scientific-theoretical website,

5 Karetny Ryad St., Moscow 127006, Russia

etel17etel@gmail.com

Abstract. To address the practical issue of how historical subjectivity is formed, it is crucial to determine the elementary and ultimate unit of human consciousness. This requires identifying the quality that characterizes the simplest phenomenon of specifically human consciousness in the Hegelian sense of quality. This ultimate or minimum unit of consciousness is what the author seeks to define. To achieve this, we need to draw on the entire history of philosophical thought on human consciousness, including the concepts of English and French empiricism. These concepts not only rely on a sensualistic approach to individual consciousness and cognition, but they also push it to its limits. The correct definition of this starting point for the formation of historical subjectivity depends on our understanding of previous philosophical traditions. In this article, it is explored how New European empiricism tackled this question.

Keywords: empiricism, sensualism, sensation, unit of consciousness, activity, New European philosophy, elementary unit of consciousness, John Locke, Thomas Hobbes, Denis Diderot, Paul Heinrich Holbach.

For citation

Burik M. L. The Problem of Elementary or the Ultimate Unit of Consciousness As a Basis for Formation of Historical Action. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2023; 2: 32–39 (In Russ.)

The article was submitted 30.03.2023; approved after review 17.04.2023; accepted for publication 26.04.2023.